

Королько А.З. ©

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины, докторант,
Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОКУТЬЯ В ЗАПАДНЫХ ИНОСТРАННЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье разглядываются суждения исследователей относительно локализации границ одного из древнейших историко-этнографических регионов (районов) Украины Покутья. Обращено внимание на западные иностранные этнографические исследования XIX – начала XX вв. Авторы этих публикаций заинтересовались изучением украинского фольклора Галиции, первыми пробовали его классифицировать, систематизировать, научно осмыслить.

Ключевые слова: историко-этнографический регион (район), Покутье, Галиция, этнографические исследования, фольклор.

Keywords: historical and ethnographic region (district), Pokuttya, Galicia, ethnographic researches, folklore.

Территория Покутья охватывает то этнокультурное пространство, где происходили кристаллизация и становление индоевропейских, праславянских, славянских этнокультурных образований, что со временем, принявши территориального и этнополитического значения, трансформировалось в название – украинский народ. Уместным есть изучение границ Покутья, которое долгое время находилось под колониальным гнетом и тем самым ощущало значительное влияние культур разных этносов.

В русле рассмотрения этой проблемы важным является разрешение вопросов соотношения регионов Украины. В практике политической жизни, историко-краеведческой работе, научных исследованиях применяются отменные подходы к делению Украины на отдельные историко-политические и этнографические районы. Часто бывает так, что историко-политические и историко-этнографические земли подаются как категории одного содержания, что часто снижает четкость научных и учебных текстов; случается терминологическая несоответствие принятого деления всей Украины на этнографические районы локальным группам населения (есть этнографическое Подолье, Покутье, но им соответствуют локальные группы подолян, покутян); в подходе к определению локальных черт традиционной культуры населения этнолог (как и историк) должен использовать как историко-политические, так и этнографические названия районов, но надо помнить, что они не однозначны за содержанием, что их отношение до тех или иных территорий может соответствовать [9, 393]. Различие взглядов относительно границ историко-географического (историко-этнографического) региона (района) Покутья замечаем в исследованиях историков, картографов, этнологов, фольклористов, географов, языковедов.

Начиная с древнейших времен, взгляд на территорию Украины имел свое отображение в существовании разных субэтнопонимов и субэтнонимов (племенное летописное деление Украины). К древним этнографическим топонимам наряду с Волинью (X в.), Украиной (1187 г.), Полесьем (1275 г.), Сивером, Подольем (1362, 1396, 1430–1432 гг.) надо отнести и Покутье [9, 388, 391].

На протяжении многовековой истории территория Покутья входила до склада Киевской Руси, Галицко-Волинского княжества, но через окраинное расположение оно часто подвергалось нападениям со стороны многочисленных завоевателей: несколько раз была поработана угорскими феодалами, молдавскими господарями; с 1887 г. стает частью Польского королевства, а позднее после Люблинской унии 1569 г. – Речи Посполитой; на протяжении 1772–1918 гг. входит до склада Австро-Венгерской империи; в междувоенный период территория Восточной Галиции вместе с Покутьем снова стает частью Польши.

Стоит отметить, что до XIV в. название «Покутье» не встречается в летописях, хрониках и других современных актах. Лишь с образованием молдавско-польского пограничья и начала междусоседских конфликтов, в конце XIV – XV в. появляется сначала в молдавских грамотах, а потом в польских хрониках название «Покутье». Не исключено, что от этого спорного кута (территории от верхнего русла реки Днестр, Прут и Черемош (последние две есть притоками реки Дунай) по современной границе королевства Польского, Молдавии и Угорского королевства, позднее Трансильванского княжества, и вошло это название в историю.

Впервые название «Покутье» зафиксировано в челобитной грамоте молдавских бояр и господаря Стефана 1395 г.: «...а и также слобуем о коломыю и о снатины и о покутее оть наш г(с)дрь, стефань, не имасть ми одно слова речи». 1411 г. Польский король Ягелло скрепил грамотой, что за долг, одолженный им еще в 1388 г. в молдавского воеводы Петра, «имають они тако долго держа(т)... покутскую землю... докола мы ... заплатилимы имъ, тыхъ одну тысячу рублевъ». В начале XV в. название «Покутье» встречается еще несколько раз в молдавских грамотах, в отдельности, 1411 г. («... имаемъ ему дати наш город Снятин и Коломыю и покутскую землю»), 1433 г. («а покутская земля как издавна слушала о своею границею из века наша так тягнетъ»), 1455 г. («... а також коли бы вышдо (л) андрен Трушкович или боу (д) каким шикдник покутски до нашен землн...»). Встречается название и в хронике Я. Длугоша (1415–1480) «Annales seu cronocae incliti Regni Poloniae» («Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego») («Анналы или хроники славного Королевства Польского») [10, 100]. Позднее название «Покутье» и ее жители – «покутяны» упоминаются в польских хрониках М. Кромера (Русь Покутянов), М. Бельского (Покутя), М. Стриковского (Покутская Русь) в связи с восстанием Мухи 1490–1492 гг. [5, 119–120; 11, 10]

В предложенной статье попробуем показать палитру размышлений касательно локализации границ Покутья. Во внимание взяты иностранные этнографические исследования XIX – начала XX в.

Традиционная культура жителей Карпат постоянно привлекала к себе внимание исследователей. В конце XVII в. появляются отдельные разведки об этом крае. В 1672 г. Ульрих фон Вердум, посетивши Покутье, один из первых определил границы: «Оно [Покутье] лежит между Днестром и венгерскими и семигородскими [Карпатскими] горами», записал в «Дневнике Польшею в годах 1670–1677» [11, 10].

Начиная с конца XVIII в. Покутье стало объектом исследования польских, немецких, чешских и других исследователей. Присоединились к изучению историко-этнографического региона и члены «Русской Троицы». Период первой половины XIX в. ознаменованный вспышкой интереса польской украиники к украинскому народному творчеству. В основе этого явления – стимулы общественно-политического характера, в первую очередь осознание общности драматической доли порабождённых народов, ощущение их исторической взаимосвязи, сродности духовного творчества [4, 149].

Важную роль в разветвлении научной жизни Галиции указанного периода, как ни странно, отыграло польское движение, которое развивалось под знаком ностальгии за утраченной государственностью. Часть писателей и поэтов взяли участие в Ноябрьском восстании (1830–1831). После подавления восстания российскими войсками большинство интеллектуальной элиты оказались в Львове, который стал центром польской общественно-культурной жизни, где разветвлялось литературное и научное движение. Среди кругов польской интеллигенции активизируется интерес к Украине, пробуждается заинтересованность украинским фольклором, проводится исследования историко-этнографических регионов. В поле зрения попадает и изучение Покутья. Уже в конце XVIII – начале XIX в. встречаются записи фольклорных текстов с Покутья. Это одиночные фиксации в работах Б. Гаккета (Аке) (1739–1815), Э. Спенсера, К. Запа (1812–1871); сборники В. Залесского (1799–1849), Жеготы Паули (1814–1895), К. Вуйцицкого (1807–1879) [1; 2; 20; 26; 27]; публикации в польской периодике, популярных литературных альманах, в частности «Wisła», «Biblioteka Warszawska», «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», «Ateneum».

Одним из первых исследователей Восточных Карпат и Покутья был Бальтазар Гаккет (Аке) (1739–1815), который в малоизвестной широкому обществу работе «Новейшие природоведческо-политические путешествия Дакскими и Сарматскими Карпатами, званными тоже Северными в годах 1791–1793» («Nacquet's neueste physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1788, 89, 90, 91, 92, 93, 94 und 95 durch die Dacischen und Sarmatischen oder Nördlichen Karpathen, Dritten Theil: ... in den Jahren 1791, 92 und 93..., Nürnberg 1794») упомянул регион, представил его в геологическом, географическом, медицинском и этнографическом аспектах [18].

Большинство иностранцев, которые в разные годы побывали на Покутье, оставили фрагментарные ведомости, поскольку рассматривали этот край как часть Польши, а не как отдельную этническую украинскую территорию. Например, английский путешественник Эдмунд Спенсер, возвращаясь в 1836 г. с Кавказа через западноукраинские земли, наблюдал за поведением покутян. И хотя он не особенно отмечал отличия между польской и украинской культурами, в своей работе «Путешествие западным Кавказом, а также переезд через Грузию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году» («Travels in the Western Caucasus including a Tour through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silesia and Moravia, in 1836»), оставил детальное описание одежды жителей региона, охарактеризовал мужские типажи и описал города Станиславив и Снятин [21].

Значительный вклад в изучение этнографии и фольклора Покутья сделал чешский исследователь Карел Владислав Зап (1812–1871). В разведке «Путешествия и прогулки галицийскими землями» («Cesty a proházký po Halické zemi») автор разъясняет этимологию слова «Покутье»: «Здесьшний люд называет Покутье только горную часть, расположенную в треугольнике между реками Прут и Черемош. Поляки это название выводят с того, что эта земля лежит на окраине давнего Польского королевства, и всегда считалась наиболее отдаленным государственным рубежом. То же самое и в наше время, осевшая в отдаленных уголках польская шляхта иронически называет эти стороны «концом света» [16].

1830–1840 гг. стали периодом постепенного накопления фольклорного материала из западноукраинских земель, первыми попытками его классификации, систематизации, научного осмысления. Это делали преимущественно польские фольклористы. Одновременно их публикации имели, прежде всего, научно-популярный характер потому, что авторы часто не паспортизировали материал, фольклорно-этнографические ведомости подавали обобщенно, схематично, а украинский фольклор трактовали как составную часть польского. В одночасье, изучая свой народ, они не могли обойти и украинцев [6, 51]. Монографические исследования с изучения Покутья посвятили Л. Вайгель, О. Кольберг (1814–1890) [17; 24].

Польский исследователь Казимеж Владислав Вуйцицкий (1807–1879) Покутье называл окрестность, что находится над рекой Прут, которая начинается от небольшого города Делятин в горах Карпаты и простирается к Черновцам на Буковине. Автор раскрывает этимологию исследовательского слова: «Покутье – это выражение украинское, местное, от слова кут (kąt), то есть, это был кут или крайняя межа региона с Буковиною, точно названа Покутьем» [27]. Последним городом Покутья К. Вуйцицкий считал Снятин, который был «давней крепостью и главным военным пунктом в период походов на Буковину и Валахию». Интересно, что рассмотревши танцевальный жанр коломыйки и проследивши этимологию этого слова, автор сравнил её за распространённостью с краковьяками на Краковщине: «Коломыя так само голосистая в коломыйках, как Краков – у краковьяках» [26, 360].

Ведомости про Покутье и окружающие земли находим в разведках иностранных ученых середины XIX в. Надо отметить, что объектом их изучения не всегда оказывалось Покутье – про историко-этнографический регион указывалось попутно при изучении обычаев, обрядов и фольклора Подолья, Полесья, Гуцульщины, Буковины.

Фундаментальную работу про этот регион написал Август Бельовский (1806–1876) [14]. Его исследование «Покутье» («Рокисіе») – это широкая картина жизни и быта местных жителей, подано этнографическую характеристику гуцулов и бойков, обращено внимание на историю края, опрышківское движение. Эта книга составлена с шести тематических разделов: «Состояние и месторасположение края», «Осадничество (заселение края)», «Гуцулы и бойки», «Политические события», «События столетней давности», «Опрышки».

Ирина Збир утверждает, что в этнографическом аспекте это интересная работа, в которой идетя про украинское население бойков и гуцулов. Замысел ее родился, очевидно, ранее. Путешествуя дорогами Покутья в юношеские годы, А. Бельовский присматривался к жизни людей, записывал тексты народного творчества, обычаи и обряды. Постепенно накапливал материал для большой и интересной работы [6, 55]. В ходе подготовки и написания исследования Август Бельовский использовал историко-этнографические работы члена «Русской Троицы» Ивана Вагилевича [8].

А. Бельовский замечает, что «среди земель давней Польши Покутье есть особенным регионом, как и само ее специфическое название. С севера Днестр отделяет его от остальных земель Речи Посполитой, а с других сторон заслоняют горы, поэтому складывается впечатление, что это будто наиболее отдаленнейший уголок, размещенный далеко на юге. Черногора прикрывает его с юго-восточной стороны, протянувшись от двух до трех миль вдоль границы с Венгрией, формируя как бы стену большой крепости». Исследователь определяет территорию региона не только за рекой Днестр и пасмом Черногорского хребта, но и реками Прут, Черный и Белый Черемош, указывая, что Белый Черемош отделяет Покутье от Валахии [14, 653, 656].

Важной в исследовании историко-этнографического региона Покутья и его фольклорного наследия есть работа польского этнографа, историка, профессора Коломыйской гимназии Леопольда Вайгеля «Очерк о городе Коломые» («Rys miasta Kołomyj») (1877). Это было первое серьезное исследование про Коломыю и её окрестности. Книга составлена из трех частей, в которых, кроме исторического и географического очерчивания главного города Покутья, автор лаконично рассказал про народные обычаи, календарную и семейную обрядовость края. Исследователь указал на то, что

«они [обряды] мало отличаются между собой в разных уголках Покутья» [24, 84]. Однако Л. Вайгель четко не определяет границы историко-этнографического региона.

Исследователь Винценты Поль (1807–1872) реку Днестр определяет северной границей Покутья, западную – долину рек Товмач и Бистрица-Надвирнянская, восточную – кордон с Буковиною, а южную межу отодвигал далеко в Карпаты [22, 131]. Люциан Татомир северной границей Покутья, как и другие исследователи, называл реку Днестр, южной – реку Прут, западной – междуречье Бистрицы-Надвирнянской и Бистрицы-Солотвинско и далее буграми к небольшому городу Езуполю. Восточную межу он не определил [23, 51].

Историко-этнографическое районирование Покутья попало в поле зрения археолога украинских и польских древностей Адама Киркора (1881–1886). Исследователь подчеркивал, что конкретные границы Покутья определить невозможно. Эта та часть южной Галиции, где вошли тогдашние поветы: Станиславовский, Городенковский, Товмацкий, Снятинский и Коломыйский. С севера Покутье отделено от других частей Галиции Днестром; с юго-восточной стороны протягивается до Черногоры, которая граничит с Венгрией; на востоке – до горы Пип-Иван; на западе – до горы Говерлы, наивысшей вершины Украины: «Покутье тоже имеет кордон с одной стороны с Валахией, а с другой упирается в глухой кут Венгрии и скалы Семигорода. Карпаты вместе с Черногорой, как будто венком, окружают его» [7, 8–9].

Почетное место в плеяде польских этнографов, которые занимались исследованием Покутья, принадлежит Оскару Кольбергу (1814–1890). В предисловии до первого тома фундаментальной работы «Покутье» («Рокисіе»), высоко оценивая этнографические материалы своих предшественников в изучении богатого наследия украинского фольклора и этнографии, Оскар Кольберг отметил, что «... и исследования его (польского этнографа В. Залесского – А.К.) ближайших преемников [...], каждый раз представляя все новые и не менее важные материалы, дают возможность понять, что источник, с которого вытекают эти сокровища, еще не скоро исчерпается» [17, т. 29, 6]. В 1880 г. ученый стал соорганизатором Этнографической выставки в Коломые, благодаря которой о Восточных Карпатах заговорила Европа, и которую удостоил своим визитом австрийский император Франц Иосиф [12, 12]. Написанию «Покутья» предшествовала кропотливая собирательная работа, осуществленная ученым на протяжении 1867–1868, 1870, 1876–1877. 1880 г. Автор старался четко придерживаться научных принципов в освещении материала, неустанно усовершенствовал методы собирания и издания образцов народного творчества, поощрял придерживаться этих принципов и своих многочисленных корреспондентов. Большое внимание исследователь уделял организации массового собирания материала. От своих корреспондентов он требовал точности записи: «такими, как они есть (фольклорные произведения), должен записывать их собиратель, он не имеет права ничего добавлять или заменить, если хочет быть верным своему назначению и приобрести признание» [17, т. 30, 10]. Руководя этнологической секцией Антропологической комиссии, О. Кольберг издал «Инструкцию для исследования народных свойств» («Instrukcja do badania właściwości ludowych»), где четко указал научные принципы записывания фольклорного и этнографического материала. Поэтому громадное количество материала, которое поступало ученому, было хорошо упорядочено. Однако исследователь приблизительно определил территорию Покутья: от севера его границей есть река Днестр, а от города Станиславова на юго-восток простирается разлогая низина, отсечена от запада темной стеной Карпат [17, т. 30, 10].

Далеко не точно очерчивается эта территория в зарубежных энциклопедиях. В энциклопедии С. Оргельбранда Покутьем называется Коломыйский повет между Карпатскими горами и Днестром [19, 104]; в другой энциклопедии читаем: «Покутье – эта историческая часть Руси, что занимает территорию над верхним руслом реки Прут и Черемош, на пограничье давних Львовской и Галицкой земли» [25, 810].

Используя материалы Августа Бельовского, детально подал границы Покутья польский «Словарь географический» («Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich»). Автор заметки указывает, что высунутая наиболее отдаленная юго-восточная земля давней Польши. С северной стороны в форме корыта отделено от других земель рекою Днестр, а с других сторон заслонен горами, являет наиболее отдаленный угол Речи Посполитой. С юго-восточной стороны Покутье граничит с Черногорским хребтом, который тянется 2–3 мили вдоль венгерской границы и являет собой своеобразную стену большой твердыни [13, 550].

Среди исследований начала XX в. нужно выделить работу польского этнографа Яна Фальковского. Автор определил восточную межу Покутья – к ней отнес междуречье Прута и Черемоша. Однако между Гуцульщиной и Покутьем штучно очертил большую переходную зону подгорья. Она не поступается площадью Гуцульщины и Покутья. Западная граница так и не была

точно локалізована. Беря за основу розповсюдження жіночих запасок (юбок) на сході, він відокремив Покуття по лінії Тлумач – Отыння – на схід від Ланчина [10, 101].

Ономаст Стефан Грабець (1912–1972), досліджуючи топонімію Гуцульщини, дійшов до висновку, що межа між Гуцульщиною і Покуттям проходить вздовж долини річки Бистриця-Надвірнянська до поселень Бытків і Пнів, на півночі вона не досягає міста Надвірна; звідси йде на північ-схід до Делятина, залишаючи позаду гуцульську діалектну територію поселень Лоева і Добротів, включаючи Делятин і Зариччя; далі межа проходить через села Чорний Потік, Білі і Чорні Ослави, Лючки, Бани-Березів, Верхній Березів, Нижній Березів, Люча; звідси вона повертає на схід, охоплюючи село Пистинь, а потім Химчин і Рожнів. Автор зауважив, що у зв'язі з недостатнім вивченням гуцульського діалекта вказана раніше межа може бути трохи неточною і піддаватися змінам [15, 8–9]. Український дослідник Д. Бучко погоджується з визначенням меж очерченої С. Грабцем [3, 5].

Таким чином, Покуття належить до найдавніших в Україні історико-географічних (історико-етнографічних) регіонів (районів). Інтерес до його вивчення з'являється в епоху пізнього середньовіччя і нового часу. Починаючи з ХІХ ст. на науковому рівні були зроблені перші спроби локалізувати межі Покуття. Здійснюючи аналіз побутового життя місцевих жителів, іноземні, зокрема польські етнографи, краєведи і фольклористи поступово звужували територію Покуття: на сході до межуріччя Прута і Черемоша; північною межею, як правило, визначали річку Дністер; південною (північно-східною) межею розглядалися Карпати або передгірня Карпат; західна частина межувалася між річками Бистриця-Надвірнянська і Бистриця-Солотвинська, або взагалі не розглядалася.

Література

1. Бальтазар Гакет – дослідник Південно-Східної і Центральної Європи: Дослідження і матеріали / Упор. М. Вальо, М. Криль. Вступне слово Л. Крушельницької; НАН України, Львівська наук. б-ка ім. В. Стефаника. – Львів, 2000. – 318 с.
2. Бальтазар Гакет і Україна: Статті і матеріали / НАН України, Львівська наук. б-ка ім. В. Стефаника; Авт.-упор. Вальо М.А. – Львів, 1997. – 134 с.
3. Бучко Д. Походження назв населених пунктів Покуття / Д.Г. Бучко. – Львів : Світ, 1990. – 144 с.
4. Головатюк В. Діяльність польських фольклористів у Галичині і «Руська Трійця» / Валентина Головатюк // Шашкевичіана. Збірник наукових праць. Вип. 5–6. – Львів, 2004. – 644 с. – С. 149–153.
5. Грабовецький В. Нариси історії Прикарпаття з найдавніших часів до кінця ХV століття. Т.1 / Володимир Грабовецький. – Івано-Франківськ, 1992. – 208 с.
6. Збір І. Фольклор Покуття у розвідках чужоземних дослідників кінця ХVІІ-ХІХ ст. / Ірина Збір // Мандрівець. – 2008. – № 6. – С. 48–57.
7. Кірко А.Г. Покуття з археологічного погляду (1874 р.). Дослідження / Адам Гонорі Кірко. – Коломия : Видавничо-поліграфічне товариство «Вік», 2009. – 80 с.
8. Купчинський О. Август Бельовський та Іван Вагілевич: наукові контакти і співпраця / Олег Купчинський // *Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze*. – 1999. – № 8–9. – С. 138–158.
9. Макарчук С. Історико-політичне та етнографічне районування України: питання співвіднесеності / Степан Макарчук // *Народознавчі зошити*. – 2001. – Зошит 3 (39). Травень-Червень. – С. 388–394.
10. Паньків М. Покуття / Михайло Паньків // *Жовтень*. – 1987. – №2. – С. 100–104.
11. Покуття. Історико-етнографічний нарис. – Львів : Манускрипт-Львів, 2010. – 456 с.
12. Туркавський М. Етнографічна виставка Покуття в Коломиї / Переклад з польської А. Б. Ємчук. Вступ. стаття канд. філологічних наук М.М. Васильчука – Коломия: Народний Дім, 2004. – 40 с.
13. B.R. Pokucie / B.R. // *Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. – Warszawa : Nakładem Władysława Walewskiego, druk «Wieku» Nowy-Świat Nr.61, 1887. – 960 s.
14. Bielowski A. Pokucie / August Bielowski // *Czas. Dodatek miesięczny*. – Kraków, 1857. – S. 653–734.
15. Hrabec S. Nazwy geograficzne Huculszczyzny / S. Hrabec. – Kraków, 1950. – 264 s.
16. Karel Wladislaw Zap. Wędrówki i przechadzki po galicyjskiej ziemi / Zap Karel Wladislaw // *Dawne Pokucie I Huculszczyzna w opisach cudzoziemskich podróżników. Wybór tekstów z lat 1795-1939*. – Warszawa : W-wo Akademickie DIALOG., 2001. – S. 41–42.
17. Kolberg O. Pokucie. Cz. 1. / O. Kolberg // *Dzieła wszystkie*. – T.29. – Wrocław-Poznań : PTL, 1962. – 360 s.; Cz. 2. – T.30. – Wrocław-Poznań : PTL, 1963. – 300 s.; Cz. 3. – T.31. – Wrocław-Poznań : PTL, 1963. – 344 s.; Cz. 4. – T.32. – Wrocław-Poznań : PTL, 1963. – 328 s.
18. Najnowsze podróże przyrodniczo-polityczne po Karpatach Dackich i Sarmatskich, zwanych również Północnymi, w latach 1791-1793 // *Dawne Pokucie I Huculszczyzna w opisach cudzoziemskich podróżników. Wybór tekstów z lat 1795-1939*. – Warszawa : W-wo Akademickie DIALOG., 2001. – S. 15–22.
19. Orgelbrand S. Encyklopedia powszechna / S. Orgelbrand. – Warszawa, 1884. – T. 5.

20. Pauli Żegota. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi / Żegota P. – T. 1. – Lwów: Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1839. – 238 s.; T. 2. – Lwów: Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1840. – 247 s.
21. Podróże po zachodnim Kaukazie oraz przejazd przez Imerycję, Mingrelię, Turcję, Moldawię, Galicję, Śląsk i Morawy w 1836 roku // Dawne Pokucie I Huculszczyzna w opisach cudzoziemskich podróżników. Wybór tekstów z lat 1795-1939. – Warszawa : W-wo Akademickie DIALOG., 2001. – S. 27–30.
22. Pol W. Rzut oka na północne stoki Karpat / W. Pol. – Kraków, 1851. – 132 s.
23. Tatomir L. Geoografia Galicyi na podstawie prac monograficznych i urzędowych źródeł / L. Tatomir. – Lwów, 1878.
24. Wajgiel L. Rys miasta Kołomyi / L. Wajgiel L. – Kołomya, 1877. – 114 s.
25. Wielka encyclopedia powszechna. – Warszawa, 1966. – T. 8.
26. Wójcicki K. Nad-Prucie / K. Wójcicki // Muzeum Domowe. – Warszawa, 1835. – № 45. – S. 338–360.
27. Wójcicki K. Stare gawędy i obrazy / K. Wójcicki. – T. 1–4. – Warszawa: Nakładem G. Sennewalda Księgarza, 1840. – T. 1. – 324 s.; T. 2. – 324 s.; T. 3. – 322 s.; T. 4. – 350 s.